

СЕРГЕЙ
САМАРОВ
ОТЧУЖДЕНИЕ

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С17

Иллюстрация на обложке *Владимира Нартова*

Самаров, Сергей Васильевич.

С17 Отчуждение / Сергей Самаров. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Бушков. Непознанное).

ISBN 978-5-699-97280-7

Не дай бог испытать вам чувство отчуждения. Когда все вокруг отвернулись от вас, когда опасность смотрит вам в лицо, а помощи ждать неоткуда. Но бойцы спецназа ГРУ, привыкшие к войне и смерти, давно сроднились с этим чувством; казалось, уже нет на земле ничего, что сломило бы их мужество. Казалось, так будет всегда. Но вот однажды спецназовцы столкнулись с чем-то необъяснимым, ломающим все человеческие шаблоны. И жизнь их мгновенно погрузилась в невыносимый кошмар, а судьбы стали игрушкой для чужого разума...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97280-7

© Самаров С., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ПРОЛОГ

Магомет Арсамаков, эмир банды, я давно это определил, спрятался за высоким камнем, торчащим из-под земли, словно столб. Этот камень чем-то напоминал «каменную бабу», которую я встречал в Омской области во время учений. Однако в здешних краях «каменных баб», насколько я знаю, не попадалось. Но на этот камень я смотрел не просто так. Мне, признаться, просто не терпелось самому испытать убойную силу только что поступившего на вооружение гранатомета «РПГ-29» «Вампир». Но до камня было далековато, и я, неопытный гранатометчик, опасался промахнуться. Хотя, если и промахнусь, не большая беда. Ну, выскажу я по этому поводу претензию, если настроение дурное будет, и все. Но даже это необязательно. Мою претензию даже вместо туалетной бумаги использовать нельзя. Она прозвучит и забудется. Даже мной самим забудется, потому что гранатометчик у меня во взводе в самом деле отличный. А если на глазах всего взвода промахнусь я, командир взвода,

солдаты долго будут обсуждать это. Кто-то даже и посмеется. Такой промах — откровенная потеря авторитета. И хотя я не гранатометчик по профессии, а только линейный офицер, среди солдат бытует мнение, что их командир должен уметь все. Только тогда он имеет право с них спрашивать строго. Но все делать лучше, чем они, я не умею. Я могу в каких-то обстоятельствах кого-то из них заменить, но не всех и не всегда. И потому я не попросил гранатомет у штатного взводного гранатометчика, а просто сказал ему по внутренней связи:

— Рахметьев! Сереня... Видишь высокий камень? Как столб стоит. Попробуй его развалить своим «Вампиром». Сможешь?

— Есть развалить камень, товарищ старший лейтенант! Самому интересно, как получится...

«РПГ-29» по своим характеристикам должен пробивать шестьсот миллиметров однородной брони, имеющей динамическую защиту. На броню мы в бригаде гранатомет не испытывали, поскольку нет подходящего танка. Но на нашем бригадном полигоне были выставлены мощные железобетонные фундаментные блоки — не знаю уж, откуда такие привезли и где они используются, кроме фундамента и полигона! — но я сам с рулеткой бегал и из-

мерял их толщину. Больше полутора метров, и внутри мощная арматура. Испытывали «Вампир» при стрельбе под углом в шестьдесят градусов к поверхности. И «выстрел» пробил блок насквозь по прямой линии от места попадания. Мы потом в отверстие лом просунули и измерили. Получалось, что гранатомет проломил двухметровый слой железобетона. Более мощного и толстого укрепления у нас на полигоне не нашлось. Но и этого вполне хватило. Бетон был проломлен, стальная арматура разорвана. Можно только представить себе, что будет с людьми в укреплении, когда туда попадет такой заряд. Хотя стрелять по укреплениям никому из нас пока не доводилось. И слава богу, что время мирное. А там, где приходится стрелять, мощных укреплений нет...

* * *

Я смотрел на поле боя, укрываясь за большим камнем-валуном, на который положил свой автомат. Гранатометчик младший сержант контрактной службы Рахметьев сначала попробовал пристроить тубу «Вампира» на соседний камень. Сошки свободно свисали у него за спиной, а передних сошек у гранатомета не было. Вообще-то его можно использовать

для стрельбы со станины, тогда и прицеливаться легче, и стрельба становится более точной, но сейчас в расчете только два человека, а если добавить станину, то для ее переноски придется выделять еще одного бойца. А у меня во взводе и без того всего двадцать два человека, из них только три солдата срочной службы, а все остальные контрактники. Мы с Рахметьевым посоветовались и вместе решили, что без станины обойтись можно. Тем более Сережа привык стрелять из старенького «РПГ-7», который предпочитает станине плечо гранатометчика.

С камня стрелять было неудобно, и Рахметьев снял свой рюкзак, положил его на метр впереди себя, устроив, таким образом, что-то типа бруствера, и на этот бруствер пристроил тубу. И тут же прикинул глазом к прицелу, интегрированному с прибором управления огнем. Я сам привык прицеливаться долго. Но это дело индивидуальное. Одни долго примеряются, прежде чем нажать спусковой крючок, другие предпочитают стрелять быстро. Так у них лучше получается. В этот раз я успел только позвать взводного снайпера ефрейтора контрактной службы Ассонова.

— Валентин, возьми на прицел камень, за которым эмир прячется...

Ассонов успел взять на прицел камень, Рахметьев наконец выстрелил. Дыма и пыли было много. Я даже отвернулся и пару раз кашлянул, сплевывая едкий дым. А вот грохота сильного не было. Было только громкое шипение. А когда я повернулся и посмотрел в ту сторону, куда стрелял гранатометчик, то увидел, что и Ассонов время даром не терял и свой выстрел тоже произвел. Он в стороне сидел, и дым наш ему не мешал. Но камень... Железобетонная плита была прошита насквозь. Но там бетон был «завязан» на арматуре. В камне арматуры нет. И мощный выстрел просто рассыпал монолитную глыбу в щебень, открыв четырех бандитов, прятавшихся за ней. Живых было только двое. И не за камнем, которого не стало. Одного, видимо, уничтожило выстрелом «Вампира», второго сразу после выстрела подстрелил снайпер Ассонов. А двое оставшихся без укрытия стремительно побежали в сторону скал и успели нырнуть в расщелины раньше, чем раздались автоматные очереди моих бойцов. Те не ожидали такого результата от выстрела гранатомета и потому не успели перенаправить стволы. Но одного, как мне показалось, все же пуля настигла в самый последний момент и повалила в расщелину в скале. Только

одна нога торчала наружу. Хотя и допускаю, что бандит просто споткнулся и пожелал покрасить камни кровью из своего носа. Но тут же, видимо, протянулись чьи-то невидимые нам руки и стремительно протащили раненого, или убитого, или просто нос себе расквашившего дальше в расщелину.

Второй номер из расчета Рахметьева, рядовой срочной службы Пашинцев, уже засовывал в тубу новый заряд.

— Сереня! Прямо туда, в расщелину! Влупи им по самые помидоры! — заорал я.

Гранатомет выстрелил сразу после перезарядки. И клубы дыма повалили не только из этой расщелины, но и из некоторых других. Там, внутри монолитной, растрескавшейся от старости скалы, имелись, как мы знали, множественные проходы и соединения, напоминающие лабиринт. Сама скала вздрогнула и, кажется, зашевелилась, как в сильное землетрясение. Но можно было быть уверенным в одном. Тем бандитам, что в расщелине прятались, пришлось несладко. Правда, они, я думаю, этого даже ощутить не успели. Их просто испепелило взрывом кумулятивной гранаты. Наверное, и камни в расщелине оплавил, а кого-то, возможно, впаяло в стену. «Вампир» оправдывал ожидания...

А я тут же дал очередь в соседнюю расщелину. Там, как мне показалось, скрылся сам эмир Арсамаков — верткий, скользкий и удачливый тип, которого уже много лет никто не может поймать. Видимо, расщелина была длинная, потому что пули, рикошета, долго бились о камни. Это удалось услышать в паузы между очередями. Бойцы, видимо, ждали, что наш гранатометчик и по другим камням стрелять будет, кто-то выскочит после этого, и его расстреляют сразу из нескольких стволов. Но я знал, что у Рахметьева было с собой всего три «выстрела», и последний я лично хотел потратить на эмира Магомета Арсамакова, справедливо считая, что на Арсамакове, на его авторитете держится вся банда. К нему идут, потому что он — везунчик, но не понимают, что везет только одному эмиру. Всех его подручных убивают, а он выкручивается.

— Стреляй в расщелину. В эмира! — крикнул я в микрофон своего шлема. Но не потому опять крикнул, что меня было плохо слышно, а от сильного возбуждения. Но тут в небе раздался какой-то жуткий свист, я заметил, что Рахметьев смотрит вверх, и его второй номер рядовой Пашинцев, который только-только закончил тубу заряжать, тоже туда смотрит, и все бойцы взвода смотрят и потому не стреляют. Я тоже задрал голову...

* * *

Я не только голову задрал, а еще так широко рот раскрыл, что в челюсти что-то с болью хрустнуло, и вся левая щека у меня словно загорелась, такое тепло туда ударило. Нижняя челюсть у меня была пару лет назад сломана на тренировке по рукопашному бою, и с тех пор несколько раз случались такие «прострелы». Но сейчас мне было не до того, я только руку к щеке прижал, а сам смотрел в небо. Я не понимал, что там такое происходит. Два громадных самолета — не самолета, а вообще непонятно что на бешеной скорости вертелись друг против друга. Первый из них время от времени словно плевался какими-то огненными брызгами, прямо из живота плевался, а второй эти брызги отражал корпусом и крыльями, подвижными, как руки человека, только гораздо более быстрыми, несмотря на свои размеры. При этом сам пытался сблизиться и, как хищная птица, старался клюнуть первого своим острым носом. Первый, круглоносый, от сближения ловко уворачивался и продолжал то ли стрелять, то ли плеваться. Но эти его плевки второму видимого вреда не причиняли — падали на землю. А там, куда они падали, загорался горный лес — дым, черный,

нефтяной, а не древесный, рвался ввысь. Это я проследил. Впечатление было такое, что дерутся две неведомые птицы, но при этом я отдавал себе полный отчет в том, что птицы эти металлические.

— Кто это? — непонятно кого спросил Рахметьев. В его голосе чувствовались мистическая дрожь и испуг. А ведь он парень не из робких.

— Что это? — тем же тоном вторил ему Пашинцев.

Спрашивали явно меня. А что я мог ответить? Одно я мог сказать точно: это не схватка боевых самолетов России и НАТО. Я хорошо знал конфигурацию всех наших боевых самолетов и самолетов потенциального противника. Это вообще были не самолеты. Я не знал, что это такое. Я мог сказать только одно. И я сказал... предельно спокойно, хотя затрудняюсь утверждать, что у меня это получилось:

— Воздушный бой, как я его понимаю...

И демонстративно сплюнул пыль, остававшуюся во рту после выстрела из гранатомета. Небрежно сплюнул, демонстрируя спокойствие и невозмутимость.

Но тут же сообразил, торопливо вытащил из большого нагрудного кармана свой командирский «планшетник», включил режим виде-

осъемки и начал снимать воздушный бой, или что там такое происходило.

— И кто с кем? — спросил по связи кто-то из солдат.

— Один против другого, — здраво рассудил я, продолжая съемку. — А нехилая у второго реакция... Ловко он эти плевки отбивает...

— Вокруг него какое-то тонкое облако. Он облаком отбивает, — сказал со знанием дела командир первого отделения младший сержант Вася Красников. — Своего рода динамическая защита. Как у танка, только не совсем. И полупрозрачная.

Присмотревшись, я увидел, что и корпус, и крылья второго объекта в самом деле были покрыты слоем легкого тумана, через который огненные плевки первого не проникают. Это, несомненно, была какая-то особая защита. Но долго так продолжаться не могло. Никто из противников не мог победить другого. И тогда снова раздался свист, как в первый момент. Тот самый свист, что заставил меня поднять голову. И обе машины исчезли из поля зрения. Однако одновременно со свистом откуда-то со стороны пришел и рев самолетного двигателя. Самолет приближался. Даже не один, а целых три. Это были российские истребители «СУ-30СМ». Видимо, радары засекли что-то, как

и нам, непонятное, и самолеты вылетели на перехват, предполагая слегка пострелять ракетами класса «воздух — воздух». Но перехватывать уже было некого, как не в кого было и стрелять.

Теперь я снимал только самолеты...

* * *

Только в этот момент я вспомнил, что являюсь командиром взвода спецназа ГРУ, и мы вышли на банду эмира Арсамакова, прижали ее к скалам с намерением уничтожить. Однако непонятное явление в небе заставило нас забыть про бой с реальным противником. И лишь появление в небе российских самолетов вернуло нас к действительности.

Однако оказалось, что продолжать бой нам уже не с кем. Остатки банды вместе с самим эмиром просто улетучились, исчезли среди расщелин, и в какую надо было забираться, чтобы искать их, — непонятно. Да и рискованно было лезть в расщелины. Бандиты наверняка заминировали пути отхода, как они всегда это делали. Расщелины узкие, темные. Любой взрыв может обрушить стены на того, кто окажется внутри. Кроме того, мы уже заранее знали, что проходы здесь представляют собой лабиринт, через который, если не знаешь пу-